

ВОПРОС О МЕСТЕ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В третьем наставлении – «О имени» – в своей «Российской грамматике» «законник языка» [13, с. 369] М.В. Ломоносов рассматривает имена прилагательные, в духе греческих грамматик, как единую с существительными и числительными «знаменательную часть слова» [7]. В современной лингвистике существуют разнообразные, иногда взаимоисключающие подходы к изучению этой части речи. Так, В.А. Плунгян, исследуя «проблему прилагательных» в «адъективных», «именных» и «глагольных» языках, считает, что полные формы прилагательных в русском языке во всех отношениях, кроме адъективного склонения, являются подклассом существительных, а краткие формы, характеризующиеся предикативным употреблением и отсутствием падежных форм, – подклассом глаголов [см. 9, с. 242-245], то есть фактически отказывается признавать имена прилагательные самостоятельным классом слов. З.А. Харитончик, напротив, убеждена в том, что прилагательные отчётливо противопоставлены другим лексико-грамматическим группам слов. Их главное несходство с существительными – в характере наименования. Обозначая предмет, существительное даёт характеристику его значимых свойств в комплексе, в то время как прилагательное, описывая предмет, выделяет лишь его единичное свойство, причём случайное, поверхностное. Невзирая на общую с глаголами способность формировать «определённые типы предикатов», прилагательные всё же нельзя с ними отождествлять благодаря характерной функции в атрибутивной приименной конструкции [см. 16, с. 13]. Авторы академических РГ–1952, РГ–1970, РГ–1980, КРГ–2002 признают имя прилагательное отдельной самостоятельной частью речи [см. 3; 4; 6; 11].

Наиболее яркую черту имени прилагательного, как известно, составляет его неразрывная связь с именем существительным, обозначающим носителя признака: «...занимая позицию предиката или позицию атрибута, прилагательное всегда “привязано” к тому, что оно характеризует» [16, с. 18]. От принадлежности существительного тому или иному лексико-грамматическому разряду зависит значение сочетающегося с ним адъективного слова, а значит, и его зачисление в определённый разряд. Ориентируясь на взаимодействие с существительными различной семантики, прилагательные легко приспособляются к ним и допускают разнообразные сдвиги в своём значении, обладая чрезвычайной семантической мобильностью, с одной стороны, и семантической несамостоятельностью – с другой [см. 2, с. 4-7]. В именной группе, по утверждению Е.М. Вольф, признаковые слова выполняют функции характеристики и спецификации, первая из которых свойственна скорее качественным, а вторая – относительным прилагательным [там же, с. 12].

Называя класс «признаковых слов» «пресловутой маятниковой категорией» [18, с. 14], Т. Гивон располагает её в центре шкалы временной отнесённости, так как прилагательные обозначают сущности, менее устойчивые

во времени по сравнению с существительными, и более постоянные по сравнению с глаголами. По мнению Н.С. Поспелова, имена прилагательные, «объединяя значения качества, качественного отношения и качественного состояния, совмещают в себе – в кратких формах – грамматические категории имени и глагола...» [10, с. 64]. Общность прилагательных и глаголов основана на их принадлежности к глубинной ономазиологической категории – категории признака. И те, и другие используются для приписывания признака предмету, что составляет суть акта предикации. Различие заключается лишь в том, что прилагательные обозначают статичный, пассивный признак, а глаголы – динамичный, активный, создающийся деятельностью субъекта. Однако это разграничение справедливо только для ядерных единиц. В обеих частях речи на периферии находятся слова, обозначающие статичный признак – состояние (для прилагательных это краткие формы). Итак, если существование оппозиции «имя существительное – глагол» практически не подвергается сомнению, то статус имени прилагательного, не являющегося лингвистической универсалией, до сих пор однозначно не определён. Сила и слабость адъективных слов проявляется в том, что, с одной стороны, они обладают огромной семантической подвижностью и многообразием морфолого-синтаксических характеристик, а с другой – размытостью категориальных границ.

Качественный признак может быть выражен не только полной формой, но и краткой, а также формой степени сравнения. В системе адъективных форм обособленное положение занимают краткие прилагательные, так как в них наблюдается синкретизм адъективных и глагольных свойств. По мнению В.В. Виноградова, краткие формы «тяготеют к выходу за пределы категории прилагательного» [1, с. 159]. Уже в древнерусском языке намечились линии семантического и грамматического противопоставления кратких и полных форм прилагательного. Установлено, что краткие формы обозначали ранее признак неопределённого предмета. Исторически возникнув позже, полные формы стали указывать на известный предмет. Это различие в семантике привело к синтаксическому «распределению обязанностей»: «Так как в предикативной функции указание на определённую вещь было излишне (всякое сказуемое высказывает суждение об определённом предмете), то в этой функции закреплялись краткие формы, а в функции определения – полные и краткие формы с последующим вытеснением кратких форм» [17, с. 172-173]. В то же время утверждение предикативных свойств за краткими формами и утрата ими атрибутивных свойств благоприятствовали более яркому выражению ими таких оттенков значения, как категоричность и некоторое усиление обозначаемого признака (то есть грамматические характеристики способствовали изменению семантических). Преимущественное употребление кратких форм в качестве именной части составного именного сказуемого привело к постепенной потере ими способности склоняться, ведь координация подлежащего и сказуемого требовала от существительного только именительного падежа, а прилагательное должно было «подстроиться» под его параметры, освобождаясь от других падежных форм. В современном русском языке краткие формы, в противоположность полным, изменяются только по

родам и числам; в предложении выступают в предикативной функции, сохраняя за собой атрибутивную роль лишь в составе фразеологических сочетаний. Кроме того, краткие формы могут выступать в полупредикативной функции, однако такое их употребление встречается преимущественно в поэтической речи. Для полных форм, как известно, приоритетной над сказуемостью является функция определения. Ещё одно грамматическое различие обеих форм обнаруживается в том, что краткая форма в современном русском языке из-за своей предикативности не обладает способностью к субстантивации. Отрываясь от полных форм, краткие формы прилагательных сближаются с компаративами. Это проявляется в выражаемой ими изменяемости признака и неспособности склоняться. Краткие прилагательные среднего рода нередко бывают омонимичны в речи с безлично-предикативными словами. В результате закрепления предикативной функции, отсутствия категории падежа, а также адъективных флексий краткие формы прилагательных синтаксически сблизились с глаголами и имеют «глагольноориентированную» парадигму [8, с. 55]. Даже внешне, своими родовыми окончаниями, они похожи на глагольные формы прошедшего времени. Основанием для их функционального сближения служит также наличие активной валентности. Некоторые краткие прилагательные вовсе не способны реализовать своё лексическое значение без зависимых от них дополнений. Краткая форма, таким образом, является своеобразным переходным явлением между статичными полными формами и динамичными глаголами. Связки и ползунаменательные глаголы придают признаку значение принадлежности определённому моменту, создавая иллюзию того, что краткая форма обладает такой же, как и глагол, категорией времени. Н.С. Поспелов замечает, что слова категории состояния и краткие прилагательные способны выражать лишь грамматическое время, без дифференциации в кругу основных временных значений. Краткие прилагательные в настоящем времени «имеют обобщённое значение наличия или постоянства признака, присущего предмету...» [10, с. 62], а значение непостоянства признака «выясняется из всего окружающего контекста или бывает обусловлено лексическим значением имени прилагательного» [там же]. Вспомогательными глаголами в форме прошедшего или будущего времени демонстрируется простая отнесённость признака в план соответствующих времен. Традиционно считается, что, несмотря на своеобразие, периферийное положение и наличие форм, не соотносимых с полными, нет достаточных оснований считать краткие прилагательные особой частью речи.

Существование различных точек зрения на проблему статуса и способов выражения категории степеней сравнения предопределяется сложностью её грамматической природы. Изучению этих вопросов посвящена обширная научная литература, но дискуссии продолжают до сих пор.

От М.В. Ломоносова идёт представление о трёх (положительный, рассудительный и превосходный) степенях сравнения. Причём простой формой превосходной степени сравнения учёный считал прилагательные с префиксом *пре-* (*пребогатый*), то есть, в современном понимании, формы субъективной оценки [7]. По мнению большинства исследователей (например, А.М. Ломов,

Л.А. Новиков, И.П. Распопов, М.А. Шелякин, РГ-1952), положительная (или исходная) форма, сравнительная и превосходная формы составляют категорию компаративности. Однако авторы разделов об имени прилагательном РГ-1970, РГ-1980, КРГ-2002 настаивают на включении в морфологическую словоизменительную категорию степеней сравнения только двух форм: положительной и простой сравнительной (компаратива), рассматривая синтетическую форму превосходной степени (с *-ейш-*, *-йиш-*) в качестве отдельного словообразовательного типа, а аналитическую форму сравнительной степени (с *самый*) как свободное словосочетание.

Некоторые лингвисты (А.А. Зализняк, Н.С. Федотова) причисляют компаративы не к морфологической категории, а к отдельной лексико-грамматической группе, считая необходимым выделять неизменяемые признаки слова «со значением отношения сравнения» [15, с. 4] в особую часть речи, так как они, в отличие от положительной и превосходной степеней сравнения, характеризуются отсутствием родо-числовой парадигмы. Рассмотрение же компаративов в качестве форм класса имени прилагательного предполагает у них наличие способности к словоизменению, что входит в противоречие с их определением как неизменяемых слов.

Другие учёные (В.В. Виноградов, А.Н. Гвоздев, И.А. Карабань) выделяют лишь сравнительную и превосходную формы, поставив под сомнение правильность включения «положительной степени» в объём категории, так как она не указывает на сравнение и не способна выражать степень интенсивности признака: «Исходная форма фиксирует то или иное понятие о признаке, которое берётся в целом, отвлечённом, нерасчленённом со стороны количества виде» [5, с. 64], а компаративные и суперлативные формы «функционируют как знаки, показывающие количественные соотношения между признаками предметов: у форм компаратива эти соотношения имеют двустороннюю направленность, а у форм суперлатива – многостороннюю или неограниченную. Вне условий соотношения они теряют это своё свойство и перестают быть степенями сравнения» [там же, с. 60]. Признавая условность термина «положительная степень» для не выражающей сравнения обычной полной формы качественного прилагательного, всё же нельзя отрицать его значимости для категории степеней сравнения, «так как только при сравнении с положительной степенью реализуется грамматическое значение сравнительной и превосходной степеней» [12, с. 218].

Имена прилагательные неоднородны как в семантическом, так и в функциональном плане. Главные синтаксические функции этой части речи, как известно, сводятся к атрибутивной и предикативной. Однако свободно употребляться в обеих позициях могут только качественные прилагательные в полной форме. Именно они являются ярчайшими представителями и ядром класса признаков слов. Для кратких форм в современном языке характерна лишь сказуемость функция, компаративные формы «более употребительны в положении именного сказуемого, но вполне возможны и в определении» [3, с. 295]. И всё-таки, даже при наличии полифункциональности, имя прилагательное, во всём многообразии его форм, остаётся единой частью речи [см. 14, с. 29-30].

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. – 2-е изд. – М., 1972. – 614 с.
2. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательных. – М., 1978. – 200 с.
3. Грамматика русского языка: в 2-х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1. Фонетика и морфология. – 720 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка: в 2-х т. – М.: Наука, 1970. – Т. 1. – 767 с.
5. Карабань И.А. Значение форм степеней сравнения и исходная форма прилагательного // НДВШ. Филологические науки. – 1969. – № 4. – С. 55–65.
Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – 2-е изд., стереотипное. – М., 2002. – 726 с.
6. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – М.–Л., 1950–1983. – Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. [Электронный ресурс]. – 1952. – Режим доступа: <http://febweb.ru/febupd/lomonos/texts/loO/lo7/LO7-3892.NTM>
7. Панин Л.Г. О формах имени прилагательного в русском языке // Русский язык в школе. – 1993. – № 1. – С. 53–56.
8. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику: учебное пособие. – 2-е изд., испр. – М., 2003.
9. Поспелов Н.С. Соотношение между грамматическими категориями и частями речи // Вопросы языкознания. – 1953. – № 6. – С. 53–67.
10. Русская грамматика: в 2-х т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
11. Современный русский литературный язык: учебник / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков и др.; под ред. П.А. Леканта. – 5-е изд., стер. – М., 2001. – 462 с.
12. Стромиллов С.И. Ломоносов (совет) // Михайло Ломоносов: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Стихи и проза о нём. – М., 1989.
13. Супрун А.Е. Эволюция системы частей речи в славянских языках: доклад на X Международном съезде славистов. – Мн., 1988. – 48 с.
14. Федотова Н.С. Комплексный анализ русского компаратива: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 24 с.
15. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. – Мн., 1986. – 96 с.
16. Янович Е.И. Историческая грамматика русского языка. – Мн., 1986. – 318 с.
17. Givón, Talmy. On Understanding Grammar. – New York – San Francisco – London, 1979. – 486 p.